

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-155-167>

К вопросу о возможности отказа от субъективного права посредством неправомерного поведения

О. С. Пашутина¹ ✉, И. В. Ревина²

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Отказ от субъективного права – феномен малоизученный в современной уголовно-процессуальной доктрине, вследствие чего неразрешенным остается и вопрос о формах поведения участников уголовного судопроизводства, обуславливающих возможность его реализации. Определение поведенческих границ имеет как теоретическое, так и практическое значение: оно способствует как обогащению уголовно-процессуальной науки, обеспечению должного уровня правовой защищенности личности в сфере уголовно-процессуальных отношений, так и выступает одним из гарантов надлежащего правоприменения.

Целью исследования является разработка авторского подхода к определению возможности отказа от субъективного права посредством неправомерного поведения лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, и его правовых последствий.

Задачи: изучение доктринальных источников и судебной практики с целью установления возможности реализации отказа от субъективного права посредством как правомерного, так и неправомерного поведения; выявление видов правовых последствий отказа от субъективного права в зависимости от форм поведения участника уголовного судопроизводства.

Методология. Методологической основой исследования являются положения общенаучного диалектического метода познания окружающей действительности в ее связи и взаимодействии, общенаучный системный подход. В процессе работы использовались формально-юридический, сравнительный методы и метод наблюдения.

Результаты. Сформулирован вывод о том, что отказ от субъективного права возможен только в форме правомерного поведения. На основе авторского видения природы поведения участника уголовного судопроизводства, которое может лежать в основе отказа от субъективного права, разработано понятие «уголовно-процессуальное наказание», приведена его характеристика.

Вывод. Отказ от права возможен только при условии, что поведение участника уголовного судопроизводства правомерно. Неправомерное поведение, выражающееся в форме совершения действий, нарушающих нормальный ход судопроизводства, естественным образом влечет за собой реакцию государства в виде лишения гражданина принадлежащего ему субъективного права, которое следует называть «уголовно-процессуальное наказание».

Ключевые слова: отказ от субъективного права; уголовное судопроизводство; права и свободы личности; уголовно-процессуальное законодательство; лишение права.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00858.

Для цитирования: Пашутина О. С., Ревина И. В. К вопросу о возможности отказа от субъективного права посредством неправомерного поведения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 155–167. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-155-167>.

Поступила в редакцию 28.08.2021

Принята к публикации 28.09.2021

Опубликована 22.10.2021

© Пашутина О. С., Ревина И. В., 2021

On the Question of the Possibility of Renouncing Subjective Rights as a Result of Misconduct

Olesya S. Pashutina¹✉, Irina V. Revina²

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru

Abstract

Relevance. The rejection of subjective law is a phenomenon little studied in modern criminal procedure doctrine, as a result of which the question of the forms of behavior of participants in criminal proceedings, which determine the possibility of its implementation, remains unresolved. The definition of behavioral boundaries has both theoretical and practical significance: it contributes both to the enrichment of criminal procedure science, ensuring the proper level of legal protection of the individual in the field of criminal procedure relations, and acts as one of the guarantors of proper law enforcement.

The purpose of the study is to develop an author's approach to determining the possibility of renouncing the right through the unlawful behavior of a person who has fallen into the sphere of criminal proceedings and its legal consequences.

Objectives: to study doctrinal sources and judicial practice in order to establish the possibility of realizing the rejection of subjective law through both lawful and unlawful behavior; to identify the types of legal consequences of the rejection of subjective law, depending on the forms of behavior of a participant in criminal proceedings.

Methodology. The methodological basis of the research is the provisions of the general scientific dialectical method of cognition of the surrounding reality in its connection and interaction, the general scientific systematic approach. In the course of the work, formal legal, comparative methods and the method of observation were used.

Results. The conclusion is formulated that the rejection of the subjective right is possible only in the form of lawful behavior. Based on the author's vision of the nature of the behavior of a participant in criminal proceedings, which may underlie the rejection of subjective law, the concept of "criminal procedural punishment" is developed, its characteristics are given.

Conclusion. The waiver of the right is possible only on condition that the behavior of the participant in the criminal proceedings is lawful. Illegal behavior, expressed in the form of committing actions that violate the normal course of legal proceedings, naturally entails the reaction of the state in the form of depriving a citizen of his subjective right, which should be called "criminal procedural punishment".

Keywords: rejection of subjective law; criminal proceedings; individual rights and freedoms; criminal procedure legislation; deprivation of the right.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00858.

For citation: Pashutina O. S., Revina I. V. On the Question of the Possibility of Renouncing Subjective Rights as a Result of Misconduct. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(5): 155–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-155-167>.

Received 28.08.2021

Accepted 28.09.2021

Published 22.10.2021

Введение

Субъективное право в теории права в целом и в уголовном процессе в частности в отечественной юридической науке давно является предметом пристального

внимания многих исследователей [1; 2; 3; 4; 5; 6]. В то же время отказ от субъективного права долгое время не являлся таковым, а лишь подразумевался в контексте научного осмысления понятия права. На сегодняшний день мы рассмат-

риваем отказ от субъективного права как осознанный и мотивированный акт участника уголовного судопроизводства, не отягощенный внешним воздействием на мыслительный процесс принятия решения о нем, преобразующийся в конкретную форму поведения, выражение нежелания лица обладать и/или пользоваться принадлежащим ему социальным благом.

Субъективные права, как своеобразная мера свободы, предоставляются лицам, попавшим в сферу уголовного судопроизводства, для защиты их личных интересов. В отличие от юридической обязанности их использование зависит только от волеизъявления самих субъектов процесса [7, с. 39]. Любой участник уголовного судопроизводства, отстаивающий в деле свой признанный законом интерес, имеет право отказаться от принадлежащих ему субъективных прав, их реализации. Отказ от субъективного права предполагает такое поведение субъекта, из которого вытекает, что он не желает реализовывать свое право или вовсе отказывается от правовой защиты [8, с. 64, 81]. Но какова природа такого поведения? Исследование сущности отказа от субъективного права и возможности его реализации неразрывно связано с разрешением вопроса о формах поведения участников уголовного судопроизводства, а именно с тем, может ли он быть выражен в форме их правомерного поведения или нет, каковы его правовые последствия, вопроса, который, несомненно, представляет значимый научный интерес.

Методология

Методологической основой исследования выступил общенаучный диалектический метод познания окружающей действительности в ее связи и взаимодействии. Диалектический взгляд на природу поведения участников уголовного судопроизводства, обуславливающего возможность реализации отказа от субъек-

тивного права, позволил доказать, что применительно к сфере уголовного судопроизводства таковой может быть только правомерным, в противном случае речь идет о лишении права как санкции, применяемой государством.

Использование общенаучного системного подхода, органически сочетающего в себе анализ и синтез, способствовало изучению понятийно-категориального аппарата, интеграции и систематизации относящегося к теме исследования собранного материала, познанию природы поведения лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства, допускающего реализацию отказа от субъективного права, разработке и формулированию авторского определения понятия «уголовно-процессуальное наказание».

Формально-юридический метод применялся для обработки и анализа содержания норм уголовно-процессуального закона в части регламентации прав участников уголовного процесса, предоставляемых им для отстаивания собственных интересов, и возможности отказа от них.

Сравнительный метод позволил выделить как общее в природе уголовного и уголовно-процессуального наказания, так и обозначить, в чем заключается их принципиальное различие, разграничить уголовно-процессуальное наказание и меры уголовно-процессуального принуждения.

Наблюдение как метод эмпирического исследования был использован для наполнения практической составляющей, что позволило проиллюстрировать основные положения работы примерами правоприменительной практики.

Результаты и их обсуждение

Каждый участник уголовного судопроизводства, действующий в своих личных (защищаемых или представляемых) интересах, преследует свои определенные цели. Пострадавший от преступле-

ния желает восстановить свои нарушенные гражданские права – право на жизнь, честь и достоинство, право на собственность и т. д. Основная цель лица, подвергаемого уголовному преследованию – защита от необоснованного, незаконного обвинения. Для достижения этих целей современный законодатель наделяет субъектов уголовного процесса необходимым для этого широким комплексом прав. При этом, признавая за лицами, попавшими в сферу уголовного судопроизводства, определенную совокупность прав, он в то же время оставляет за ними решение вопроса о целесообразности или нецелесообразности их использования исходя из собственного усмотрения. Отказываясь от принадлежащего ему права, участник уголовного процесса отстаивает свои частные интересы. В этом смысле отказ от права выступает формой использования субъектом своих прав: он выбирает, какой вариант поведения (действие – внешне активное поведение или бездействие – внешне пассивное поведение, поведение, которое выражено в воздержании от совершения тех или иных действий [9, с. 13]), какое право позволит ему в большей степени отстоять их. С формально-юридической точки зрения отказ от права – это предусмотренное законом право субъекта совершать активные действия, направленные на отказ от реализации права либо, напротив, бездействовать в целях недопущения или прекращения определенных общественных отношений.

Но насколько личность свободна в осуществлении своих прав? В ряде случаев в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) законодатель закрепляет проявления отказа от субъективного права в виде отдельных прав. К ним можно отнести: право отказаться от защитника (ч. 1 ст. 52 УПК РФ), право на особый порядок судебного разбирательства (ч. 1 ст. 314 УПК РФ) (по сути, право отказаться от состязательного судебного разбиратель-

ства), право свидетеля, обладающего свидетельским иммунитетом, давать показания (п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ) (по сути, право отказаться от права не свидетельствовать против себя и своих родственников).

Вместе с тем существуют и иные проявления, содержание которых можно выразить постулатом «все, что не запрещено законом – то дозволено». Однако, на наш взгляд, личность свободна только в выборе проявлений правомерного поведения: потерпевший, подозреваемый, иной участник уголовного судопроизводства, имеющий в деле личный интерес, может реализовать или не реализовать принадлежащее ему право, но лишь способом, не противоречащим закону (если нет прямых запретов, то поведение может быть расценено как правомерное в том случае, если оно не только является желательным, допустимым, но и не нарушает при этом каких-либо законных интересов других субъектов права [10, с. 222]).

В пользу того, что отказ от субъективного права возможен только в форме правомерного поведения – юридически значимого или юридически безразличного поведения, не нарушающего предписания нормы права [11, с. 59; 12, с. 27–30], говорит и то, что законодатель не предусматривает возможности в случае отказа наступления для лица негативных правовых последствий. Отказ от субъективного права представляет собой юридический факт, вызывающий наступление закономерных правовых последствий [13, с. 108–106; 14, с. 4] – возникновение, изменение или прекращение правовых отношений (или их комбинаторность, когда один и тот же отказ от субъективного права может одновременно способствовать возникновению, изменению или прекращению конкретных правоотношений в любом сочетании). Последствия отказа лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства, от принадлежащего ему субъективного права может

быть отрицательным только для других участников процесса, для него самого они только положительны. Наиболее ярко это проявляется по делам частного обвинения, производство по которым осуществляется по общим правилам в порядке ст. 318 УПК РФ. В соответствии с ч. 5 ст. 319 УПК РФ мировой судья разъясняет сторонам возможность примирения и, в случае поступления от подсудимого и потерпевшего заявлений о примирении, принимает решение о прекращении уголовного дела в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Как следует из положений закона, в основе решения правоприменителя может лежать только парное согласование: юридически значимые последствия в виде отказа государства от реализации уголовной ответственности в отношении лица, совершившего преступление, в частности от его осуждения и наказания, не могут зависеть только от волеизъявления подсудимого, его желания, выраженного в единоличном проявлении. Последствия отказа потерпевшего от права примирения для подсудимого будут негативны, а вот для потерпевшего они могут послужить дополнительной гарантией защиты его частных интересов.

Можно ли признать возможность отказа от субъективного права в форме неправомерного (противоправного) деяния? На наш взгляд – нет. Неправомерное поведение, выражающееся в форме совершения деяний, нарушающих нормальный ход судопроизводства, естественным образом влечет за собой реакцию государства в виде лишения гражданина принадлежащего ему субъективного права.

Обратимся к этимологии слов «отказ» и «лишить». Согласно словарю С. И. Ожегова, «отказаться» – выразить свое несогласие, нежелание делать что-нибудь, не пожелать признать, принять что-нибудь, «лишить» – отбирать что-либо у кого-то [15, с. 812, 1172]. Следовательно, отказ – это акт волеизъявления лица, а лишение – это предотвращение

доступа к чему-либо, независимо от воли субъекта.

Отказ от субъективного права не может вызвать для лица неблагоприятные правовые последствия, а лишение права влечет именно их. В частности, в соответствии с п. 12 ч. 4 ст. 47, ч. 3 ст. 217 УПК РФ, по окончании предварительного расследования обвиняемый имеет право знакомиться со всеми материалами уголовного дела и выписывать из него любые сведения и любом объеме, не ограничиваясь во времени, необходимым для этого. Однако на практике отсутствие такого ограничения нередко влечет за собой злоупотребления со стороны обвиняемого и его защитника. В целях противодействия данным явлениям российский законодатель установил возможность судебного ограничения срока для ознакомления с материалами дела. Если обвиняемый и его защитник продолжают придерживаться избранной линии поведения, без уважительных на то причин не ознакомляются с материалами уголовного дела в установленный судом срок, следовательно, руководствуясь положениями ч. 3 ст. 217 УПК РФ, вправе принять решение об окончании производства данного процессуального действия, оформив его соответствующим постановлением, сделав отметку в протоколе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.

Как показывает анализ правоприменительной практики, при обжаловании обвиняемым и (или) его защитником в дальнейшем принятого следователем решения, суды становятся на сторону правоприменителя. Верховный суд Российской Федерации также не признает нарушением права обвиняемого на защиту ограничение обвиняемого или его защитника в реализации данного правомочия, если оно обусловлено явным недобросовестным его использованием в

ущерб интересам других участников процесса¹.

Признаков неконституционности в сроках для ознакомления защиты с делом в данных случаях не усматривает и Конституционный Суд Российской Федерации². Так, с жалобой в Конституционный Суд обратился Е. Н. Младов, по уголовному делу которого районный суд вынес постановление об установлении срока для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами завершеного предварительного следствия. Гражданин обжаловал вынесенное решение в апелляционном порядке. Суд апелляционной инстанции отверг позицию Е. Н. Младова о незаконности решения суда первой инстанции, обосновывая свое решение указанием на факт заключения обвиняемым соглашения на защиту с иным адвокатом на этапе выполнения требований ст. 217 УПК РФ накануне истечения срока предварительного следствия.

В жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Е. Н. Младов указал, что оспариваемая им норма противоречит Конституции РФ, допуская возможность суду по ходатайству следователя ограничить время ознакомления с материалами уголовного дела адвокатов, которые на момент рассмотрения ходатайства еще не были привлечены обвиняемым для защиты его интересов и не

вступили в уголовное дело в качестве защитников.

Конституционный Суд РФ, с учетом ранее данных разъяснений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2015 г. № 23-П, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 г. № 1454-О, Определение Конституционного Суда от 24 сентября 2013 г. № 1299-О, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1398-О), анализа положений норм уголовно-процессуального закона и позиции Верховного Суда РФ, не нашел оснований для рассмотрения жалобы по существу.

Кроме того, в соответствии с ч. 5 ст. 317 УПК РФ, прокурор вправе вынести постановление об изменении или о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве, если:

– подозреваемый (обвиняемый), с которым было заключено такое соглашение, сообщает следователю лишь сведения о своем собственном участии в совершенном деянии либо сведения, которые стали известны правоприменителю иным путем;

– подозреваемый (обвиняемый) отказывается от дачи показаний, изобличающих других соучастников преступления;

– органом предварительного следствия были выявлены другие данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и о невыполнении им обязательств, предусмотренных соглашением о сотрудничестве.

Так, в ходе предварительного расследования С. заявил ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в котором взял на себя обязанность давать правдивые показания по всем фактам подозрения и обвинения, изобличать других преступников. Однако позже, после предъявления обвинения, в ходе его допроса в качестве обвиняемого С. стал отрицать свою причастность к со-

¹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 29 от 30 июня 2015 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 05.07.2021).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Младова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 27 мая 2021 г. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-27052021-n-900-o/> (дата обращения: 05.07.2021).

вершенному преступлению. Учитывая данное обстоятельство, прокурором было принято обоснованное решение о расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве¹.

Законодатель также предусматривает положение и о том, что в случае, если указанные обстоятельства будут обнаружены уже после назначения лицу наказания, то на основании ст. 317.8 УПК РФ приговор в отношении него может быть пересмотрен.

Помимо этого, в соответствии с ч. 3 ст. 258 УПК РФ, подсудимый при нарушении им порядка судебного заседания, неподчинении распоряжениям председательствующего или сотрудника органов принудительного исполнения до окончания прений сторон может быть удален из зала судебного заседания и тем самым лишен права на рассмотрение его дела в его присутствии. К фактическим обстоятельствам, которые могут послужить основой принятия такого решения, судебная практика, в частности, относит неоднократные выкрики с места², неподчинение распоряжениям председательствующего после неоднократных предупреждений о недопустимости такого поведения³, обращения к суду сидя без соответствующего на то разрешения.

Отметим, что в практике Конституционного Суда РФ была попытка обжалования данного положения уголовно-

процессуального закона, но в своем решении об отказе в принятии жалобы Суд с учетом ранее данных разъяснений (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2002 г. № 62-О, Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 октября 2005 г. № 371-О) указал, что по смыслу ст. 17 (ч. 3) Конституции Российской Федерации право подсудимого на рассмотрение его дела в его присутствии не означает, что это право должно быть ему гарантировано даже при нарушении им порядка в зале судебного заседания и при создании им препятствий для надлежащего осуществления правосудия и реализации другими участниками процесса, в том числе потерпевшими, принадлежащих им процессуальных прав⁴. Вместе с тем отстаивание своих прав и позиций путем заявления ходатайств, возражений на действия председательствующего или других участников уголовного судопроизводства не свидетельствует о нарушении обвиняемым порядка судебного разбирательства, следствием которого является его удаление из зала судебного заседания⁵.

На первый взгляд, в приведенных нами примерах можно говорить о наличии в деяниях обвиняемых отказа от реализации права в результате их неправомерного поведения. Но если отталкиваться от целей, преследуемых участниками уголовного судопроизводства на момент

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 19 марта 2019 г. по делу № 2-11/2018. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/2cgezRRhwcUg/> (дата обращения: 06.07.2021).

² Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда № 22-2054/2020 от 19 августа 2020 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pDUGoe2E6lI3/> (дата обращения: 06.07.2021).

³ Апелляционное постановление Пермского краевого суда № 22-4355/2020 от 6 августа 2020 г. по делу № 1-91/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8qU9tjEnczU5/> (дата обращения: 06.07.2021).

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Федыны Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2012 г. № 1627-О. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70142242/> (дата обращения: 06.07.2021).

⁵ Апелляционное постановление Калужского областного суда № 22К-1117/2020 УК-22-1117/2020 от 2 сентября 2020 г. по делу № 3/2-661/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/j04Eh4v8oDWn/> (дата обращения: 06.07.2021).

совершения следственных и процессуальных действий, то формулирование вывода о том, что они таким образом реализовывали свое право на отказ, представляется необоснованным. В данном случае речь идет о лишении права как санкции, применяемой государством за неправомерное поведение субъекта.

Принудительное лишение участника процесса предоставленного ему субъективного права вследствие его неправомерного поведения следует рассматривать как «уголовно-процессуальное наказание», которое, представляя, по сути, «квазисанкцию» (одностороннюю меру принуждения [16, с. 88]), носит исключительно санкционирующий характер. Это означает, что оно не может применяться исключительно в целях превенции, в отличие от тех же подписки о невыезде и надлежащем поведении, или обязательства о явке.

Уголовно-процессуальное наказание обладает рядом признаков, присущих и уголовному наказанию, совпадают их цели, близка их природа, но в то же время они и кардинально отличаются друг от друга.

Схожесть проявляется в том, что они являются мерами государственного принуждения, под которыми принято понимать метод воздействия, состоящий в применении уполномоченными на то государственными органами и их должностными лицами предусмотренных законом мер, составляющих систему правовых ограничений, лишений, обременений или иных действий, и с помощью которых можно заставить обязанных лиц исполнять возложенные на них поручения, соблюдать установленные законом запреты, обеспечить правопорядок, безопасность личности, общества и государства от потенциальных и реальных угроз [17, с. 17].

Уголовное и уголовно-процессуальное наказания носят строго личный характер, т. е. применяются в отношении

конкретного лица и не могут быть переложены на других лиц.

Природа уголовного и уголовно-процессуального наказания схожа. В XIX веке выдающийся русский юрист И. Я. Фойницкий определил составляющие природы института наказания: наказание «назначается и выполняется во имя общих государственных интересов»; его применение «создает между наказывающим государством и наказываемым известные отношения, принадлежащие к сфере права публичного, а не частного»; наказание «стремится быть равным для всех»; «мерами наказания могут быть лишь такие, которые находятся в зависимости от государства» [18, с. 31–32]. Все эти положения, без сомнения, применимы и к уголовно-процессуальному наказанию.

К целям уголовного наказания, т. е. социально и уголовно-политическим результатам, соответствующим задачам и принципам уголовного права и определенным в уголовном законе, которых стремятся достичь законодатель и правоприменитель посредством установления в уголовном законе наказуемости преступлений и назначения этой уголовно-правовой меры лицам, совершившим преступления [19, с. 16], относятся: восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). В целом аналогичные цели преследует и уголовно-процессуальное наказание (естественно, с учетом его специфики).

Понятие справедливости – этическая категория, которая характеризует соотношение определенных явлений с точки зрения добра и зла между людьми (соотношение между их ролью и социальным положением, их правами и обязанностями; соотношение между деянием и воздаянием) [20, с. 107]. Социальная справедливость уголовно-процессуального наказания достигается путем лишения прав участника процесса, и тем самым

карательное его содержание является своеобразным уголовно-процессуальным способом восстановления социальной справедливости.

В качестве второй цели уголовно-процессуального наказания следует назвать исправление лица, допустившего неправомерное поведение и тем самым нарушившего нормальный ход судопроизводства (у уголовного наказания – осужденного). Реальная задача, которую может решить правоприменитель в ходе исправления – убедить и заставить данного участника судопроизводства в дальнейшем не нарушать ход расследования и рассмотрения уголовного дела.

Наконец, целью уголовно-процессуального наказания является предупреждение совершения новых действий, могущих нарушить порядок производства по делу (у уголовного наказания – преступлений), как самим участником процесса, к которому применяются санкционирующие меры (как показывает практика, нередко, однажды «обжегшись», обвиняемые меняют линию направления защиты своих интересов), так и иными лицами (подсудимые, видя удаление одного из них из зала судебного заседания, отказываются от стратегии вызывающего поведения).

Различие между рассматриваемыми нами мерами государственного принуждения состоит в следующем:

– в отличие от уголовного наказания, которое может быть назначено лишь за те действия, которые предусмотрены уголовным законом в качестве преступления (ч. 1 ст. 3, ст. 14 УК РФ), уголовно-процессуальное наказание применяется за действия, которые с точки зрения уголовно-процессуального закона представляют собой поведение участника процесса, нарушающее установленный порядок производства по делу, или связаны с ненадлежащим исполнением возложенных на него обязательств (например, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве) и т.д.;

– применение уголовно-процессуального наказания (что отчасти вытекает из предыдущего положения) может допускаться к лицу, в отношении которого еще не была опровергнута презумпция невиновности, что подчеркивает его исключительно процессуальную природу;

– уголовное наказание назначается только по приговору суда, а решение о лишении субъективного права может принимать более широкий круг субъектов уголовного процесса в лице должностных лиц и государственных органов;

– уголовное наказание влечет за собой такое уголовно-правовое последствие, как судимость, последствием же уголовно-процессуального наказания является потеря участником процесса возможности использования предоставленного ему законом субъективного права.

Выводы

Отказываясь от субъективного права, лицо, попавшее в сферу уголовного судопроизводства, выбирает один из вариантов возможного поведения и отказывается от предоставляемого ему блага. Оно оценивает это благо с точки зрения его ценности и пользы для себя и принимает решение: нужно или ненужно ему это благо для достижения своих личных целей.

Исследование природы отказа от субъективного права в уголовном процессе позволяет сформулировать вывод о том, что таковой может иметь место только при условии правомерного поведения лица, отстаивающего в деле свой признанный законом интерес, в противном случае, т. е. если он (отказ) выражается в форме неправомерного (противоправного) деяния, имеет место лишение участника уголовного судопроизводства его субъективного права.

Лишение права как уголовно-процессуальное наказание представляется собой правовую форму государственного принуждения и выступает одним из инструментов, применение которого обес-

печивает нормальный ход уголовного судопроизводства. Природа и признаки уголовно-процессуального наказания во многом схожа с природой и признаками уголовного наказания. Основной отличительной его чертой является то, что оно допускается к лицу, в отношении которого еще не была опровергнута презумпция невиновности.

От мер уголовно-процессуального принуждения уголовно-процессуальное

наказание отличает его исключительно санкционирующий характер, предполагающий, что данное наказание не может применяться исключительно в целях превенции.

Уголовно-процессуальное наказание, проявляемое в лишении участника уголовного судопроизводства его субъективного права – закономерное последствие его неправомерного поведения.

Список литературы

1. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред. М. С. Строгович. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 187 с.
2. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.
3. Алексеев С. С. Общая теория социалистического права: курс лекций. Вып. 2. Нормы права и правоотношения / ред. Г. И. Петрищева. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1964. 226 с.
4. Иоффе О. С., Шаргородский Д. М. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
5. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 292 с.
6. Селиванова О. Ю. Субъективное право: Сущность, структура, ценность: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 155 с.
7. Масленникова Л. Н. Субъективные права и юридические обязанности – внутрисистемные факторы, определяющие тенденции // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 2. С. 38–46.
8. Гамбарян А. С. Отказ от права и вопросы уголовно-процессуального вмешательства / под ред. проф. А. В. Смирнова. М.: Юрлитинформ, 2018. 332 с.
9. Пьянов Н. А. Правовое поведение: понятие и виды // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 11–14.
10. Богатырев В. Н. Отказ в совершении нотариального действия и правомерное поведение граждан // Вестник Саратовской юридической академии. 2013. № 4 (93). С. 221–224.
11. Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. 374 с.
12. Казаков В. Н. Правомерное поведение и правопорядок: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 185 с.
13. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. 3-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2019. 578 с.
14. Александров А. С., Кухта А. А. Судебные факты // Российский судья. 2007. № 8. С. 4–5.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.litmir.me/br/?b=123940&p=1> (дата обращения: 05.06.2021).
16. Щербаков М. Г. К вопросу о квазисанкциях // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 4. С. 85–90.
17. Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 10–17.

18. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М.: Добросвет-2000: Городец, 2000. 464 с.
19. Анощенкова С. А. Цели наказания как символы уголовной политики // Вестник Мордовского университета. 2006. № 1. С. 16–24.
20. Флетчер Дж., Наумов А. В. Основные концепции современного уголовного права. М.: Юрист, 1998. 512 с.

References

1. Kechek'yan S. F. Pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve [Legal relations in a socialist society]; ed. by M. S. Strogovich. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1958. 187 p.
2. Aleksandrov N. G. Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve [Legality and legal relations in Soviet society]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. 176 p.
3. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya socialisticheskogo prava: kurs lekcij. Is. 2. Normy prava i pravootnosheniya [General theory of socialist law: course of lectures. Vol. 2. Norms of law and legal relations]; ed. by G. I. Petrishcheva. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo, 1964. 226 p.
4. Ioffe O. S., Shargorodskij D. M. Voprosy teorii prava [Questions of the theory of law]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 381 p.
5. Matuzov N. I. Lichnost'. Prava. Demokratiya [Personality. Rights. Democracy]. Saratov, Saratov Univ. Publ., 1972. 292 p.
6. Selivanova O. Yu. Sub"ektivnoe pravo: Sushchnost', struktura, cennost'. Diss. kand. jurid. nauk [Subjective law: Essence, structure, value. Cand. legal sci. diss.]. Nizhnii Novgorod, 2001. 155 p.
7. Maslennikova L. N. Sub"ektivnye prava i yuridicheskie obyazannosti – vnutrisistemnye faktory, opredelyayushchie tendencii [Subjective rights and legal obligations - intra-system factors determining trends]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O. E. Kutafin University*, 2018, no. 2, pp. 38–46.
8. Gambaryan A. S. Otkaz ot prava i voprosy ugolovno-processual'nogo vmeshatel'stva [Waiver of the right and issues of criminal procedural intervention]; ed. by A. V. Smirnov. Moscow, Yurlitinform Publ., 2018. 332 p.
9. P'yanov N. A. Pravovoe povedenie: ponyatie i vidy [Legal behavior: concept and types]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2004, no. 4, pp. 11–14.
10. Bogatyrev V. N. Otkaz v sovershenii notarial'nogo dejstviya i pravomernoe povedenie grazhdan [Refusal to perform a notarial act and lawful behavior of citizens]. *Vestnik Saratovskoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov Law Academy*, 2013, no. 4 (93), pp. 221–224.
11. Oksamytnyj V. V. Pravomernoe povedenie lichnosti (teoreticheskie i metodologicheskie problemy). Diss. dokt. jurid. nauk [Lawful behavior of a person (theoretical and methodological problems). Dr. legal sci. diss.]. Kiev, 1990. 374 p.
12. Kazakov V. N. Pravomernoe povedenie i pravoporyadok. Diss. kand. jurid. nauk [Lawful behavior and law and order. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 1999. 185 p.
13. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and law]; ed. by V. K. Babaev. 3th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2019. 578 p.
14. Aleksandrov A. S., Kuhta A. A. Sudebnye fakty [Judicial facts]. *Rossiiskij sud'ya = Russian judge*, 2007, no. 8, pp. 4–5.
15. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Available at: <http://www.litmir.me/br/?b=123940&p=1> (accessed 05.06.2021)

16. Shcherbakov M. G. K voprosu o kvazisankeiyah [On the issue of quasi-sanctions]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta = Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*, 2020, vol. 7, no. 4, pp. 85–90.
17. Kaplunov A. I. Ob osnovnyh chertah i ponyatii gosudarstvennogo prinuzhdeniya [About the main features and the concept of state coercion]. *Gosudarstvo i pravo = State and law*, 2004, no. 12, pp. 10–17.
18. Fojnickij I. Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem [The doctrine of punishment in connection with prison studies]. Moscow, Dobrosvet-2000 Publ., Gorodec Publ., 2000. 464 p.
19. Anoshchenkova S. A. Celi nakazaniya kak simvolyy ugolovnoy politiki [The goals of punishment as symbols of criminal policy]. *Vestnik Mordovskogo universiteta = Bulletin of the Mordovian University*, 2006, no. 1, pp. 16–24.
20. Fletcher Dzh., Naumov A. V. Osnovnye koncepcii sovremennogo ugolovnogo prava [Basic concepts of modern criminal law]. Moscow, Yurist Publ., 1998. 512 p.

Информация об авторах / Information about the Authors

Пашутина Олеся Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Olesya S. Pashutina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: olesya-pashutina@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-1472-7959

Ревина Ирина Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833

Irina V. Revina, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Proceeding and Criminalistic, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ivrevina@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9982-8833